

А. А. Соловьев

Доктор исторических наук, доцент,
старший научный сотрудник
ФГБОУ «Ивановский государственный
университет», г. Иваново, Россия

О. С. Удалова

Кандидат исторических наук,
младший научный сотрудник
ФГБОУ «Ивановский государственный
университет», г. Иваново, Россия

Восточная экзотика в воспоминаниях ярославских паломников о путешествии в Святую Землю в конце XIX в.

Воспоминания ярославских паломников, посетивших Святую Землю в конце XIX – начале XX вв., представляют собой ценный исторический источник, позволяющий реконструировать впечатления поклонников, связанные с посещением святынь вселенского христианства. В рамках настоящей статьи были проанализированы воспоминания авторов, размещенные на страницах «Ярославских епархиальных ведомостей» – еженедельного печатного издания, выходявшего в период с 1860 г. по 1917 г. Впечатления ярославских паломников о природно-климатических условиях Святой Земли, пище и одежде местных жителей легли в основу конструирования их представлений об экзотике Востока, составивших основу для разграничения на страницах паломнических мемуаров «своей» и «другой» культуры.

Ключевые слова: паломники, экзотика, культура, Святая Земля, Восток.

Мемуары отечественных православных паломников представляют собой один из интереснейших источников, позволяющих на глубинном уровне исследовать культуру и природу той территории, куда было предпринято путешествие с целью поклонения святым местам. Наибольший интерес составляют воспоминания тех, которым удалось посетить святыни вселенского христианства в Палестине. Здесь они сталкивались с иноземной средой, которая кардинально отличалась от повседневных реалий русского человека и, естественно, получала свое отражение на страницах текстов личного происхождения. В рамках настоящего исследования будут проанализированы палом-

нические мемуары последней трети XIX столетия, составленные на основе впечатлений, полученных авторами от посещения Святой Земли и размещенные на страницах «Ярославских епархиальных ведомостей». Последние представляли собой печатное издание Ярославской и Ростовской епархии, выходявшее еженедельно с 1860 г. по 1917 г. Попутно отметим, что это были первые «Епархиальные ведомости» в России. Их содержание традиционно подразделялось на две части, а именно: официальную, предназначенную преимущественно, для духовенства, и неофициальную – для более широкого круга читателей.

Воспоминания священника В. Преображенского «Поездка к Иордану» и архимандрита Иннокентия «Путевые впечатления при посещении и поклонении святым местам Палестины в 1872 году» были размещены в неофициальной части «Ярославских епархиальных ведомостей». Ознакомившиеся с этими текстами читатели могли соприкоснуться с удивительным и загадочным ближневосточным миром, постичь ощущения православных паломников во время их странствий по Палестине.

Ценность сравнительно-исторического исследования мемуаров состоит в том, что каждый из авторов сосредотачивал свое внимание на отдельных аспектах непривычной ему реальности. При этом иноземная среда, в которую попадали русские паломники, отнюдь не всегда представлялась «чужой» со знаком минус: довольно часто в тексте воспоминаний она наделялась положительными ассоциациями, ее можно отнести не к «чужому», а к «другому».

Какие же аспекты иноземной реальности в наибольшей степени привлекали внимание русских паломников в Святой Земле, казались им экзотичными? Безусловно, их выделение, в определенной степени, зависело от личности конкретного мемуариста, однако, в разных текстах мы находим ряд общих ключевых аспектов, на которых сосредотачивали свое внимание почти все авторы воспоминаний.

Для В. Преображенского, в самом конце позапрошлого столетия посетившего Святую Землю, наиболее контрастным по сравнению с русскими реалиями представлялся местный климат. Авторские воспоминания начинаются с указаний на особенный зной Иорданской долины, куда В. Преображенский отправился вместе с небольшой группой паломников, каждый из них был уже недостаточно молод и крепок здоровьем, однако, все же твердо решил поклониться вселенским христианским святыням, в числе которых было и место крещения Иисуса Христа [6, с. 9]. Особо отметим, что жара в Палестине действительно особенно чувствуется в долине Иордана и около Мертвого моря, в которое впадает эта река. Это объясняется в значительной степени тем, что данный регион значительно ниже уровня моря.

Именно совершенно нестерпимая жара по сравнению с климатическими условиями средней полосы России представляла наибольшую опасность для паломников на Ближнем Востоке: в течение нескольких недель она не спадала даже с наступлением ночи, все это становилось существенным препятствием для паломнического путешествия. В. Преображенский отмечал, что в результате удушливого зноя на пути к Иордану заболела пожилая монахиня и более уже не смогла продолжать путь [6, с. 13]. Нестерпимый для жителей России зной, по мнению автора, также являлся причиной того, что паломники, преодолевавшие все дорожные трудности на лошадях, по мере приближения каравана к ночлегу начинали состязаться между собой в скорости верховой езды: это объяснялось нараставшим нетерпением «измученных продолжительным пребыванием в седле и высокой температурой всадников» [Там же].

Изнуряющий зной, согласно тексту воспоминаний, продолжал мучить путников и на местах ночевки в Иорданской долине. Вот как пишет об этом В. Преображенский: «Была полночь, и мы и теперь положительно изнемогали от жары. В каменной гостинице, раскаленной палящими лучами палестинского солнышка, было жарко как в хорошо натопленной бане: ни поливание пола водой, ни раскрытые окна не помогали хотя сколько-нибудь понизить температуру...» [6, с. 14].

Пожалуй, единственным «климатическим исключением», согласно повествованию В. Преображенского, являлись берега Иордана, где путники, окунувшись в воды священной реки, в которой принял крещение сам Спаситель, сумели на время позабыть о зное дороги, пролежавшей преимущественно по пустынной местности. Аналогичный эффект произвел на путников источник пророка Елисея. Струя его оживляющей влаги утолила их жажду, а некоторые даже устроили «что-то вроде купания или ... ванны» [6, с. 42].

Полной противоположностью этого живительного источника являются в рассказе паломника воды Мертвого моря, климат вокруг которого автор характеризует как в высшей степени нездоровый и даже губительный для всего живого, ведь «... испарения, поднимающиеся из моря, убийственны

для всякого живого существа и в окрестностях Мертвого моря свирепствуют изнурительные лихорадки» [6, с. 41]. Ссылаясь на текст Второзакония, автор называет его «морем-могилой», так как на дне безжизненной водной толщи покоятся по преданию нечестивые ветхозаветные города – Содом и Гоморра [2, 22-24]. В этом он разделяет путевые впечатления А.Н. Муравьева, еще в первой трети XIX столетия посетившего Святую Землю и утверждавшего, что от Мертвого моря исходит «вечный смрад» [5, с. 158]. Аналогичными представляются впечатления от Мертвого моря и в путевых заметках Д.Д. Смышляева, посетившего в 1865 г. Синай и Палестину [7, с. 170].

Впечатления от чужеземного климата как одного из аспектов восприятия иноземной среды преломляются в сознании автора через призму его предыдущего личного опыта. В частности, В. Преображенский вспоминал, что с подобными высокими температурами он ранее не сталкивался на российском Юге – ни в Крыму, ни на Кавказе. Зной был настолько чудовищным, что автор даже не мог определить примерно температуру воздуха: «Быстрая езда, заставлявшая разрезать раскаленный неподвижный воздух, не только не освежала, а жгла лицо и тело» [6, с. 41].

Воспоминания другого ярославского паломника – архимандрита Иннокентия, напротив, содержат лишь отдельные свидетельства относительно местных погодных условий. С одной стороны, отец Иннокентий, возможно, считал, что настоящему паломнику не подобает жаловаться читателям на невзгоды внешней среды, а надо сосредоточиться в своих путевых записках на своих впечатлениях от святых мест и на благочестивых размышлениях. С другой стороны, отсутствие свидетельств о непривычном климате могло объясняться предварительной осведомленностью архимандрита Иннокентия относительно погодных условий в Святой Земле, а также временем года, когда он совершал паломничество.

Дело в том, что начало путешествия В. Преображенского пришлось на самый жаркий месяц – июль, в то время как отец Иннокентий отправился к святым местам Палестины в середине мая, когда южный зной еще не был таким нестерпимым. В этой связи, раннее утро 28 мая он характеризовал

как «прохладное», в то время как В. Преображенский отмечал нестерпимую жару даже в ночные часы. О «летних жарах» на территории Александрии и Каира архимандрит Иннокентий услышал лишь в разговоре с иерусалимским консулом В.Ф. Кожевниковым [3, с. 197], однако, негативных впечатлений относительно нестерпимого летнего зноя в тексте не высказывал. Паломническое путешествие архимандрита Иннокентия продолжалось и в летние месяцы, однако, в июне он также отмечал «туман и облака» [3, с. 206]. Лишь 17 июля, т. е. в самый жаркий летний месяц, автор кратко заметил: «Было уже за полдень, солнце палило нас...» [3, с. 230]. Таким образом, несвойственную русской природе жару архимандрит упомянул только на «самой макушке» лета. Однако в Святой Земле зной не был редким явлением и в сентябре: во время путешествия на Иордан архимандрит Иннокентий отмечал, что погружение в воды священной реки не только вызвало чувство радости у верующих, но также позволило им на некоторое время справиться с «палящим полуденным зноем» [3, с. 296].

С климатическим аспектом восприятия иноземной среды тесным образом связаны описания местных пейзажей. Как отмечал К.Е. Балдин, значимость их для паломников многократно увеличивалась в связи с тем, что эти места были тесно связаны с происходившими важными событиями Ветхого и Нового Заветов [1, с. 20]. По впечатлениям В. Преображенского, они представляли собой достаточно типичную картину для полупустынной или пустынной местности. При этом автор воспринимал чужую природу через призму российских реалий, привычных его глазу – часто попадавшихся на дороге селений, не очень густой лесной зелени, хлебов и лугового разнотравья: «Вблизи Иерусалима некоторую жизнь придают ландшафту попадающиеся на пути селения, дикие маслины с маленькими серозелеными, словно покрытыми пылью, листочками, изредка встречающиеся смоковницы и еще реже стройная финиковая пальма со своей перистой вершиной» [6, с. 10-11]. Таким образом, с российскими пейзажами в представлении паломника ближневосточные территории роднили лишь изредка встречающиеся жилые постройки, в то время как местная растительность оценива-

лась как, хотя и экзотическая, но бедная, представленная деревьями, типичными для полупустынной местности: маслинами и смоковницами.

Восприятие В. Преображенским ближневосточных пейзажей напоминает текст мемуаров Е. Л. Маркова – отечественного писателя и путешественника, этнографа, кримооведа и литературного критика. В. Преображенский выделяет в качестве основного в местной колористике желто-серый цвет окружающей природы в пустынном царстве камней: «Камень, всюду камень, настоящее царство желтовато-серого камня» [6, с. 11]. Вполне возможно, что В. Преображенский был знаком с мемуарами Е. Л. Маркова, опубликованными в конце XIX столетия, в которых, описывая пейзажи Святой Земли, автор также указывал на их всеохватную желтоватую серость: «Камни, камни и камни!... И в далекой дали опять-таки каменные гряды заиорданских Моавитских гор...» [4, с. 213-214]. Аналогично Е. Л. Маркову, ярославский паломник В. Преображенский отмечал своеобразие пустынных и одновременно гористых пейзажей, их особую экзотику и неповторимость, без которых немислимо представление о Святой Земле: «Переживаются впечатления, ни разу в жизни не испытанные, впечатления настоящей, подлинной пустыни во всей ее суровости, но и во всей своеобразной красоте ее грозного лика» [6, с. 11].

Примечательно, что подобные пейзажи, практически лишённые растительности, привычной глазу русского путешественника, отнюдь не воспринимались со знаком минус, напротив, вызвали в душе паломника даже некую восторженность. Восприятие пустынных пейзажей вновь перекликается у ярославского паломника В. Преображенского и выходца из Курской губернии Е. Л. Маркова, утверждавшего, что лишь в пустыне душа художника «упивается характерной выразительностью, целостностью и новизною картины» [4, с. 214]. В свою очередь, во время непродолжительных остановок его паломнической группы В. Преображенский замечал, что от экзотичных картин, открывавшихся взору, совершенно невозможно было оторвать глаз: «...как на блюде видны и горы заиорданские, и долина Иорданская с длинной лентой реки и синее вдали Мертвое море» [6, с. 44].

Таким образом, в мемуарах ярославских паломников пустынные ландшафты характеризуются преимущественно как своеобразно привлекательные. Между тем, на страницах одних и тех же мемуаров иногда встречаются по-своему противоречивые свидетельства. В воспоминаниях того же В. Преображенского пустыня вдруг из красивой превращается в «мрачную», когда в повествовании заходит речь о Сарандаре – «горе сорокадневного поста» Господня. Автор, ссылаясь на свидетельства других путешественников, говорит, что нет места ужаснее и мрачнее, нежели ее пропасти. В то же время, это место напоминает паломникам о духовном и телесном подвиге Спасителя, которому они в принципе могли последовать, так как Сарандарь считался и являлся наиболее подходящим местом для поста и уединенной молитвы. В. Преображенский, наблюдая за пейзажами Палестины, делает интересный вывод о том, что местные особенности климата, обусловившие типы жилых построек, а также повседневная жизнь населения, его одежда и быт – мало изменились со времен Иисуса Христа. Автор склонен полагать, что Восток не терпит резкой трансформаций форм и алгоритмов жизни, которые здесь отличаются небывалой устойчивостью [6, с. 11].

В воспоминаниях же архимандрита Иннокентия первое приближение к границам Святой Земли и наблюдение за ее пейзажами почти сразу вызвало у автора положительный отклик. По этому поводу он отмечал: «Здесь оживили меня виды на море и сады, коими славится Яффа» [3, с. 191]. Тихую радость в душе архимандрита Иннокентия породила также уединенность и уютное расположение русского паломнического приюта на горе Елеон. Он отмечал, что здесь «...самая местность вдохновляет к созерцательности» [3, с. 242].

Иноземная среда, помимо непривычного климата и окружающей природы, в восприятии паломников характеризовалась особой флорой и фауной. Абсолютное большинство паломников в Святую Землю, в целом, характеризовали эту местность как весьма бедную в плане растительности, в особенности – по сравнению с тем, что было привычным глазу русского человека. Растениями, наиболее часто встречавшимися паломникам, были кактусы и терны разнооб-

разных размеров и форм. При этом некоторые из них, на первый взгляд, выглядели схожими с представителями флоры, произрастающими на территории родной Ярославской губернии. В частности, В. Преображенский отмечал, что по пути в Иерихон ему и его спутникам то и дело попадались какие-то кустарники, первоначально казавшиеся заурядными листовыми растениями. Во время поездки верхом автор мемуаров попытался сорвать себе веточку одного из них, за что жестоко поплатился сильным порезом руки с обильным кровотечением: «Зелень, казавшаяся столь привлекательной, оказалась принадлежащей к породе терний и наделена была преострыми колючками, которые за темнотой разглядеть было невозможно» [6, с. 13].

На пустынном пути к отдельным святыням вселенского христианства ярославским паломникам встречались островки и другой растительности. В частности, она произрастала по берегам Иордана, по-видимому, в силу достаточной увлажненности почвы [6, с. 14]. Аналогично ярославцы описывали берега источника пророка Елисея, к освежающим водам которого притекали все живые существа окрестностей. Наряду с колючими кустарниками – наиболее традиционными обитателями пустынь, ярославцам встретились здесь небольшого размера деревья с мелкими красноватыми «яблоками» (печально знаменитыми «содомскими плодами») [6, с. 42].

Берега Иордана и источника пророка Елисея, по сути, были в Иудее единственным значимым оазисом растительности в пустыне, в каменистую безотрадность которой вынужденно погружались ярославские паломники, продолжавшие путь. После того, как побережье священной реки исчезало из виду, перед их взором снова открывалась исключительно безжизненная картина, на которой не было видно «ни кустика, не травинки». В особенности изумляло паломников полное отсутствие флоры и фауны в Мертвом море и около него, ни одно животное или птица не нарушали своим появлением его безмолвия.

Не только окружающая паломников природа и населявшие ее растения и животные были «чужими» или «другими» и воспринимались контрастно; экзотичной была и одежда местных жителей как, впрочем и самих па-

ломников. Между тем, следует отметить, что в мемуарах ярославских паломников данному аспекту, характеризующему арабов и их культуру, уделялось сравнительно мало внимания. В частности, на страницах воспоминаний В. Преображенского упоминания одежды встречаются всего дважды: первый раз автор говорит о том, что он и его спутники во время стоянки в одном из малоазийских городов (вероятнее всего, имелась в виду Смирна) запаслись так называемыми «tropical helmets» (английскими шлемами, предназначенными для защиты от солнечных лучей, столь изнурительных и непривычных для русских путников). Автор отмечал также, что эти шлемы одевались не непосредственно на голову, а на белые «колпаки» из шелковой или хлопчатобумажной ткани [6, с. 10].

Таким образом, первое упоминание об одежде в мемуарах В. Преображенского, связано с тем, что полезно использовать паломникам во время путешествия в Святую Землю. Второе упоминание было связано с традициями погружения в воды священной реки Иордан: большинство богомольцев купались либо в белье, либо в специально предназначенных рубашках или саванах, приобретенных для этой цели в Иерусалиме. В. Преображенский подчеркивает священный характер этих «сувениров», которые ярославские паломники привозили потом с собой на Родину, чтобы по завершении своего земного пути встретить вечность, облаченными в эти «палестинские рубашки» [6, с. 39].

Иноземная среда характеризовалась также непривычными для ярославских богомольцев едой и питьем. Ближневосточная кухня вызывала у них не только позитивные ассоциации, что получило отражение в воспоминаниях. В. Преображенский указывал, что в одном из монастырей Святой Земли, в котором их паломническую группу принимала братия всего из четырех человек, им было предложено угощение, состоявшее из кофе, ракии (алкогольного напитка крепостью около 40 градусов) и сладостей, а также вина, которое было достаточно неприятным на вкус [6, с. 44]. В монастыре св. Иоанна Хозевитского путники также были встречены весьма радушно и им была вновь предложена ракия, сыр и какая-то вареная трава [6, с. 12]. Будучи сильно утомленными

тяготами паломнического пути, они вынуждены были отведать в том числе непривычных для себя яств. Незатейливая трапеза завершилась чаепитием, после которого ярославские паломники покинули пристанище Хозевитской обители. В свою очередь, Д. Д. Смышляев в своих путевых заметках указывал, что хлеб, лук и время от времени – ракия составляли основу повседневного рациона бедных русских паломников в Святой Земле [7, с. 141].

Вода из некоторых местных источников характеризовалась паломниками как малопригодная к питью. Проезжая мимо Вифании, у источника Апостолов (получил свое название в связи с событиями евангельской истории, так как ученики Иисуса Христа не раз совместно с ним останавливались здесь, чтобы утолить жажду) ярославцы были предупреждены своим сопровождающим – кавасом, о том, что в его воде «встречаются разные живые существа и особенно много маленьких пиявиц» [6, с. 10]. В свою очередь, другой источник – Елисеев ключ, характеризовался негативно лишь в библейские времена: его вода очистилась после благословения Иисуса Христа, бросившего в воды потока пригоршню соли со словами: «Я сделаю воду сию здоровой; не будет от нее впредь ни смерти, ни бесплодия» [6, с. 42]. В целом, немногочисленные местные источники, пригодные для питья, в той или иной степени характеризовались В. Преображенским скорее негативно.

Паломнические воспоминания архимандрита Иннокентия в значительно меньшей степени содержат свидетельства о вкусовых особенностях и качестве местной пищи и воды. На пути к палестинским святыням, который традиционно для паломников начинался с города Одессы, автор упоминает о том, что решил попробовать экзотический для него турецкий кофе, который, однако, совсем ему не понравился [3, с. 189]. По свидетельству архимандрита Иннокентия, по прибытию на гору Сион, после вечернего богослужения паломников угостили варением, ликером и кофе [3, с. 206].

При этом автор мемуаров подчеркивает традиционность этого набора незатейливых яств. Архимандрит Иннокентий в своих мемуарах выражает особую благодарность отцу Антонину – руководителю Русской Духовной Миссии (РДМ) в Иерусалиме, уси-

лиями которого возводилась и укреплялась Русская Палестина, за угощение хлебом-солью, т.е. сытным обедом, увенчанным, по выражению автора, сладкой дыней [3, с. 230]. Необходимо отметить достаточно частое упоминание заслуг архимандрита Антонина по утверждению русского влияния на территории Святой Земли. Архимандрит Иннокентий был, в частности, хорошо осведомлен о многогранной работе РДМ под руководством о. Антонина.

К теме иноземной еды архимандрит Иннокентий возвращается при завершении своего паломнического пути, по прибытии в город Яффу – ворота Палестины. При посещении расположенной здесь дачи РДМ он отмечал изобилие фруктов, которыми богата Яффа, снабжавшая ими, равно как и зеленью, Иерусалим, находившийся неподалеку. В отличие от воспоминаний В. Преображенского, архимандрит Иннокентий был вполне доволен качеством местной «чудесной» воды, которой он освежался в Яффе вместе с местным виноградом [3, с. 332].

Подводя итоги анализа мемуаров ярославских паломников, необходимо отметить, что каждый сосредотачивал преимущественное внимание на своих аспектах экзотики, позволявших читателю сформировать представление о «другой» иноземной культуре ближневосточного мира.

Вместе с тем, некоторые из аспектов, характеризовавших иноземную среду, присутствовали, в той или иной степени, почти во всех мемуарах, в том числе и тех, которые оставлены нами за пределами данного исследования. К числу таковых сторон восточной экзотики следует отнести природно-климатические условия Святой Земли, питание и воду, одежду местных жителей.

Воспоминания ярославских паломников построены на контрасте, они создавались через призму восприятия их авторами повседневных российских реалий. Особое значение в мемуарах отводилось описаниям Русской Палестины – главному фактору конструирования национальной идентичности на страницах паломнических мемуаров и одновременно – фактору усиления русского влияния в Восточном Средиземноморье на рубеже XIX - XX вв.

Библиографический список:

1. *Балдин К. Е.* Восточная экзотика на страницах отечественных мемуаров: впечатления русских паломников второй половины XIX – начала XX в. // *Лабиринт: Теории и практики культуры.* 2022. № 1. С. 7 – 22.
2. Второзаконие, Глава 29 / *Азбука веры.* Библия. Ветхий Завет. [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://azbyka.ru/biblia/?Deut.29&r> (дата обращения: 20.03.2025).
3. *Иннокентий, архимандрит.* Путевые впечатления при посещении и поклонении святым местам Палестины в 1872 г. // *Ярославские епархиальные ведомости.* 1874. 12 июня, № 24; 19 июня, № 25; 26 июня, № 26; 17 июля, № 29; 24 июля, № 30; 31 июля, № 31; 14 августа, № 33; 21 августа, № 34; 28 августа, № 35; 11 сентября, № 37; 16 октября, № 42; 1876, № 35.
4. *Марков Е. Л.* Путешествие по Святой земле: Иерусалим и Палестина, Самария, Галилея и берега Малой Азии. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1891. – 515 с.
5. *Муравьев А. Н.* Путешествие по святым местам в 1830 г. – М.: Индрик, 2007. – 344 с.
6. *Преображенский В.* Поездка к Иордану (Из воспоминаний паломника) // *Ярославские епархиальные ведомости.* 1900. 4 января, № 1; 22 января, № 3.
7. *Смышляев Д. Д.* Синай и Палестина. Из путевых заметок 1865 г. – М.: Индрик, 2008. – 288 с.

©Соловьев А. А., Удалова О. С., 2025